

СТАТЬИ И КОРРЕСПОНДЕНЦИИ

ЗАПИСКА О ДЕЛЕ ПЕТРАШЕВЦЕВ

РУКОПИСЬ Ф. Н. ЛЬВОВА
С ПОМЕТКАМИ М. В. БУТАШЕВИЧА-ПЕТРАШЕВСКОГО

Публикация В. Р. Лейкиной-Свирской

В «софийской коллекции» сохранилось несколько черновых рукописей петрашевца Ф. Н. Львова, относящихся к концу 1859 — началу 1861 гг.: «Записка о деле петрашевцев», две полемических статьи об управлении гр. Н. Н. Муравьевым-Амурским Восточной Сибирью и заметка о так называемой «иркутской дуэли»*. Здесь же находится черновик обращения Львова к министру внутренних дел С. С. Ланскому с жалобой на преследования, которым он стал подвергаться со стороны Муравьева-Амурского. Работал Львов над этими материалами частью в Иркутске, частью в с. Олонках Иркутской губернии, в доме декабриста В. Ф. Раевского (к которому Львов переехал через несколько месяцев после увольнения его со службы в январе 1860 г.).

Большой интерес представляет печатаемая ниже «Записка о деле петрашевцев» (это название дано документу Герценом при публикации небольшого отрывка из него в «Колоколе»). «Записка» составлена при непосредственном участии М. В. Бутаевича-Петрашевского. На первом листе имеется надпись неуставленным почерком: «Александрю Ивановичу» и неразборчивая подпись.

Каким же образом черновые рукописи Львова попали в Лондон к Герцену?

Повидимому, Герцен имел в это время корреспондентов в Восточной Сибири. Об этом можно судить по обилию материалов в «Колоколе» и листках «Под суд!» по поводу «иркутской дуэли», преследований Петрашевского Муравьевым, процесса над судьями, подвергшими наказанию дуэлянта Беклемишева и пр. Герцен получил и напечатал также кассационные прошения Петрашевского и его жалобу министру Ланскому.

С наибольшей вероятностью можно предположить, что рукописи Львова были доставлены Герцену известным впоследствии врачом и общественным деятелем Н. А. Белоголовым.

В своих воспоминаниях «Три встречи с Герценом» Белоголовый сообщает, что в июне 1861 г. он отправился из Москвы за границу со специальной целью — лично передать Герцену правду о поведении муравьевской клики в связи с «иркутской дуэлью». Не застав Герцена в Лондоне, Белоголовый отыскал его в Париже.

Во время этого свидания, как указывает сам Белоголовый, он передал Герцену «кой-какие документы по сибирскому управлению» для напечатания в «Колоколе» (Н. А. Б е л о г о л о в ы й. Воспоминания. СПб., 1901, стр. 538). Материалы «софийской коллекции» позволяют утверждать, что этими «документами» являлись, прежде всего, упомянутые выше рукописи двух полемических статей Львова о Муравьеве и его режиме управления Восточной Сибирью. Несомненно, тогда же была передана Герцену заметка Львова об «иркутской дуэли», прямо обращенная к издателю листка «Под суд!». Вскоре после этого в «Колоколе» было напечатано злободневное письмо из Сибири под названием «Опять об иркутской дуэли» (л. 101 от 15 июня 1861 г.).

* Заметка эта публикуется в настоящем томе.— *Ред.*

Оно было посвящено «вопиющему делу» — процессу членов Иркутско-Верхотурского окружного суда, присудивших в 1859 г. к суровому наказанию организаторов дуэли. Новый процесс разоблачался в письме как акт мести судьям со стороны муравьевской администрации за проявленную ими независимость. Кто являлся автором этой статьи, до сих пор не было известно. Сейчас мы имеем возможность установить, что статья «Опять об иркутской дуэли» была написана все тем же Львовым.

В статье смело подтверждается влияние Петрашевского и Львова на судей, выносивших приговор по делу о дуэли. Кроме того, авторство Львова устанавливается дословным совпадением многих мест в этой статье с текстом письма Львова к Д. И. Завалишину от 25 февраля 1861 г., в котором Львов выражал свое негодование по поводу процесса над судьями («Русская старина», 1881, № 10, стр. 404—405). Подлинник статьи «Опять об иркутской дуэли», опубликованной в «Колоколе», не сохранился в «софийской коллекции» — он, вероятно, остался в типографии.

Не вызывает сомнения, что вместе с указанными четырьмя рукописями Львова Белоголовый передал Герцену пятую рукопись — «Записку о деле петрашевцев». О том, что к Герцену попала эта рукопись, он сам засвидетельствовал в «Колоколе» (л. 139 от 15 июля 1862 г.).

«Записка о деле петрашевцев» написана рукой Львова. Петрашевским в этой рукописи сделаны многочисленные добавления в виде примечаний, заметок и поправок. В рукописи содержатся сведения, сообщенные Львову Петрашевским. Таким образом, эту записку можно считать произведением обоих авторов.

Публикуемый документ не мог возникнуть позже февраля 1860 г., так как в конце этого месяца авторы его были разлучены высылкой Петрашевского из Иркутска. С другой стороны, имеющееся в конце записки указание, что Петрашевский и Львов «и теперь страдают еще в Сибири от представителя самовластия и произвола, великого либерала, графа Муравьева-Амурского», говорит о том, что она была закончена не ранее января 1860 г., когда на них обоих, действительно, обрушилась «опала» вернувшегося в Иркутск генерал-губернатора. Вместе с тем упоминание о том, что петрашевцы «пострадали десять лет тому назад», позволяет уточнить время работы над рукописью и отнести ее к концу 1859 г., так как до ноября 1859 г. Львов находился вне Иркутска.

Замысел «Записки о деле петрашевцев» должен быть, повидимому, поставлен в связь с опубликованием осенью 1859 г. в «Колоколе» (под заголовком «Юстиция и М. В. Буташевич-Петрашевский» — лл. 49 и 50 от 1 и 15 августа) кассационных прошений Петрашевского, направленных им в сенат в 1855—1856 гг. Известно, что Петрашевский настойчиво стремился опротестовать и добиться аннулирования незаконного, как он утверждал, приговора по делу петрашевцев. Протесты Петрашевского имели в его собственных глазах чисто принципиальное значение — таким образом он продолжал свою борьбу против политического произвола царизма. Эта борьба не сулила ему, разумеется, никакого успеха и лишь отягчала его положение.

Пересылка Герцену копий с прошений Петрашевского, находившихся в правительственных учреждениях, говорит о существовании неизвестных нам друзей Петрашевского, связанных с издателем «Колокола». Через некоторое время в «Колоколе» (л. 92-93 от 15 февраля 1861 г.) появилась также жалоба Петрашевского министру внутренних дел от 9 мая 1860 г. из Минусинска, излагавшая обстоятельства его административной высылки из Иркутска 27 февраля 1860 г. Этот материал был послан Герцену в ответ на его заметку «Тиранство сибирского Муравьева» («Колокол», л. 89 от 1 октября 1860 г.) по поводу высылки Петрашевского. Здесь Герцен замечал «прогрессивному генерал-губернатору», что «вообще теснить сосланных гнусно, но теснить политических сосланных времен Николая, т. е. невинных, преступно» (X, 401).

Эти факты говорят о большом внимании и уважении Герцена к Петрашевскому, в котором он видел борца с самодержавием. Еще в 1851 г. Герцен пытался познакомить с его именем европейское общественное мнение, послав французскому историку и журналисту Мишле биографию Петрашевского, написанную В. А. Энгельсоном.

Опубликование Герценом кассационных прошений Петрашевского свидетельствует о том, с каким интересом и вниманием отнеслась к делу петрашевцев демократическая общественность шестидесятых годов; оно могло внушить Петрашевскому и Львову

ГЕРЦЕН

Фотография 1861 г. с дарственной надписью неуставленному лицу:

«В память встречи в Лондоне 19 июля 1862 г. от А. Герцена»

С фотографии (подлинник в Польше)

желание оставить для истории свое прямое и подробное свидетельство об этом деле, дать обществу новые сведения о кружке петрашевцев и о расправе с ним правительства. Помимо фактов, изложенных в «Записке», авторы обещали также «рассказать в другой раз» историю ссылки некоторых петрашевцев.

«Записка» состоит из четырех разделов. Первый раздел, не имеющий заголовка, посвящен деятельности кружка петрашевцев; он занимает свыше трети рукописи. Далее идет небольшой раздел «Закулисные поводы преследования», затем раздел «Следственная комиссия и усовершенствованный застеноч», конец которого утрачен. Утрачено также начало последнего раздела — об обряде казни петрашевцев. ✱

В трех последних разделах позиция авторов, рассказывающих о столкновениях петрашевцев с правительством и о поведении их перед лицом политических врагов, ясна и последовательна; в первой же части «Записки», повествующей о деятельности кружка петрашевцев, бросается в глаза внутренняя противоречивость. Стремление дать исторически правдивое изложение сочетается здесь с явной тенденцией затушевать политическую направленность деятельности кружка и отчетливо проявляется при дальнейшей редакционной обработке рукописи как самим Львовым, так и Петрашевским.

В изложении Львова сильно звучат либеральные ноты; особенно в рассказе о «совещании пяти», где он настойчиво подчеркивает, что, будто бы, замышлявшаяся тайная организация не имела политического характера. Но Львов не может скрыть ряда подробностей, ускользнувших от следствия и подтверждающих, что некоторые петрашевцы искали путей для революционного действия. Большой интерес представляет приводимое Львовым высказывание Петрашевского по поводу речи К. Тимковского, понятой как призыв ускорить выступление «на площади». Петрашевский воспринимал подобные призывы как возвращение к ошибочной тактике декабристов, восстание которых не опиралось на народные массы. Вместе с тем он не отрицал необходимости боевых выступлений. На подозрения в робости он отвечал, что выйдет на площадь последним, но зато последним и сойдет с нее.

Львов отмечает переход кружка к обсуждению существенно важных практических вопросов русской действительности. Он вносит новые значительные подробности в рассказ о споре Петрашевского с Головинским по поводу методов скорейшего разрешения крестьянского вопроса. «Крестьянам надобно диктатора, который бы повел их», — сказал Головинский. Эти слова показывают, что речь шла об участии революционной интеллигенции в крестьянском восстании.

Львов не может затушевать значения «Солдатской беседы» — «юмористического рассказа» Н. Григорьева. «Солдатская беседа» явилась попыткой создать агитационную литературу для солдат. Львов подробно останавливается на «совещании пяти» о тайном обществе и впервые указывает точные даты заседаний. Излагая идейные разногласия участников совещаний, он по-новому передает слова Спешнева, признававшего лучшим способом политического действия — действие «открытою силою», «а средством к тому — бунт крестьян».

Первый раздел «Записки» содержит многочисленные добавления и поправки, которыми Петрашевский старался подчеркнуть юридическую легальность действий кружка. Он отмечал также несоразмерность наказания с поступками и приводил в пример Ханыкова, подвергнувшегося осуждению только за произнесенную на обеде речь.

Описывая со слов Петрашевского секретные беседы Спешнева и Петрашевского с Черносвитовым о близких перспективах крестьянского восстания, Львов отмечает, какое важное значение придавали они участию горнорабочих в восстании. Сам Львов отрицал возможность политического движения на нерчинских и алтайских «заводах», обслуживавшихся трудом каторжан. Но Петрашевский замечает: «О сем ничего <не> следует сообщать» — и вычеркивает все относящееся к этим беседам.

Львов приписывает Кашкину речь республиканского содержания. Петрашевский замечает, что это необходимо проверить и без согласия участников собраний об этом не следует сообщать.

К рассказу Львова о занятой Петрашевским позиции по вопросу о программе тайного общества последний делает характерное уточнение, добавляя, что он «изложил

образ действия лиги об отмене хлебных пошлин в Англии и указал на О'Коннеля, как на образец, как должно действовать, желая реформ в государстве». Таким образом, Петрашевский в этом рассказе перенес центр тяжести с планов революционной пропаганды проектируемого тайного общества на конституционные методы политической борьбы.

Слова Львова о том, что тайное общество «рушилось в самом начале», Петрашевский заменяет более осторожной формулировкой: «Из разговоров о составлении тайного общества ничего не вышло».

С какой целью Петрашевский вносил все эти смягчения? Было бы неправильным рассматривать их как попытку реабилитировать деятельность петрашевцев. Петрашевский не был и не стал либералом, но в его идеологии, оформлявшейся в сороковых годах в направлении к революционному демократизму, оставалась известная незавершенность, противоречивость. Дополнения, внесенные Петрашевским в «Записку», стоят в прямой связи с теми идейными мотивами, которыми диктовались его аргументы в поданной им кассации.

В своем кассационном прошении Петрашевский доказывал не только незаконность применения военного суда по отношению к подсудимым, но и нарушение судом установленных форм судопроизводства. Он писал, что при ведении дела не были соблюдены условия, без которых «образ содержания в С.-Петербургской крепости мог получить характер истязательный, а допросы могли носить отпечаток пристрастия». В дополнительных объяснениях он возражал на тот, очевидно часто им слышанный мотив, будто петрашевцы, дело о которых получило высочайшую конфирмацию, объявлены «вне всякого закона». Он протестовал против того, что защиты закона лишаются люди, чьи «преступления» заключались «в мысли, мнениях или форме выражения мыслей или мнений»; «при других условиях общественного развития или в другом государстве» это «не могло бы быть отнесено не только к разряду преступлений», но даже к полицейскому проступку» (В. И. Семевский. М. В. Бутаевич-Петрашевский в Сибири. — «Голос минувшего», 1915, № 1, стр. 78, 81). Приговор «столько же соответствовал делу, как слон мухе», — писал Петрашевский своей сестре 11 мая 1856 г. («Звенья», II, 1933, стр. 311).

Второй раздел «Записки» — «Закулисные поводы преследования» — написан, в основном, по рассказам Петрашевского. Здесь впервые подробно освещены такие интересные факты, как борьба на дворянских выборах в феврале 1848 г. в Петербурге вокруг вопроса об адресе царю и выступление Петрашевского против предложенного свыше адреса, одобрявшего контрреволюционную политику царизма по отношению к Западной Европе. Впервые также излагается, к сожалению слишком неполно, содержание литографированной «программы» деятельности Петербургской городской думы, написанной Петрашевским в связи с его попыткой получить место городского секретаря в 1846 г.

Сохранившаяся часть третьего раздела — «Следственная комиссия и усовершенствованный застенок» — содержит ряд новых подробностей о методах следствия, о пытках, применявшихся к Петрашевскому, Н. Григорьеву, Н. Момбелли, а также, повидимому, к В. Катеневу, умершему в тюремной больнице для душевнобольных. Сведения о пытке, состоявшей в раздражении нервной системы отравляющим веществом, исходят непосредственно от Петрашевского и Григорьева.

Авторы «Записки» связывают применение пытки с подозрениями Следственной комиссии о существовании в кругу петрашевцев тайного общества. «Записка» несколько разъясняет методы, посредством которых Спешнева вынуждали давать откровенные показания. Известно, что у него была обнаружена «подписка» для членов тайного общества. Львов и Петрашевский пытаются найти объяснение загадочному для них поведению Спешнева на следствии. Спешнев предполагал, думают они, что, действуя так, он спасет «других и один сделается интересною жертвою», но Следственная комиссия сумела превратить его показания в «ловушку» для его товарищей.

Чрезвычайно интересен упреждающий кусок последнего раздела об обряде казни, где сохранены слова осужденных петрашевцев, произнесенные на эшафоте. Так, религиозно настроенный Достоевский в ожидании казни сказал по-французски Спешневу:

«Мы будем вместе с Христом». Материалист и атеист Спешнев, усмехаясь, возразил: «Горстью праха». — «Кто просил?» — заметил Дуров в ответ на оглашение царской конфирмации, отменявшей смертную казнь. Живо описана бравада Петрашевского, прямо с места казни отправленного в Сибирь.

Как отнесся Герцен к попавшему в его руки важному документу о деле Петрашевского? Он не мог не оценить его значения. «Записка» Львова и Петрашевского представляла огромный интерес для современников как неизвестная страница из недавней истории русского освободительного движения, как обличение недавно минувшего политического режима Николая I. Однако опубликовать «Записку» полностью Герцен не мог, так как в ней шла речь о многих живых людях, которым это могло повредить. Кое-что из «Записки» Львова и Петрашевского Герцен, тем не менее, использовал для обличения политического интриганства реакционнейшего бюрократа-крепостника П. П. Гагарина, назначенного в 1862 г. председателем Государственного совета и Комитета об устройстве сельского состояния. Герцен обнародовал сообщение о том, как Гагарин, являвшийся фактическим руководителем следствия по делу петрашевцев, добивался в то время от Львова, чтоб он оговорил тогдашнего наследника, будущего царя Александра II, который, по слухам, предостерег Момбелли по поводу его литературных вечеров. Таким образом, Гагарин хотел «погубить сына, подслужившись отцу доносом на него». «В наших бумагах, — писал Герцен, — есть *подробное изложение* этих драматических сцен между князем-сыщиком и благородным арестантом» («Павел Гагарин». — «Колокол», л. 139 от 15 июля 1862 г.; ср. XV, 339—340).

В следующем листе «Колокола» и был напечатан «Отрывок из записки о деле Петрашевского» под названием «Львов и Гагарин» (л. 140 от 1 августа 1862 г.). Это — рассказ о допросе Львова Гагариным, наталкивавшим его на нужное признание. По наводящим вопросам Гагарина Львов понял, что речь шла об известном ему факте: наследник престола, тогда начальник гвардейской дивизии, просил прекратить литературные вечера у офицера л.-гв. Московского полка Момбелли, у которого в 1846—1847 гг. собирались офицеры, так как «в городе носились слухи о их чрезвычайном либерализме». Львов довольно точно передал свой ответ Гагариному, обещавшему ему помилование за донос. Вот как выглядит это показание в тексте «Колокола»: «Все, что до сих пор мною было показано, сделано было для скорейшего разъяснения дела и для того, чтобы были скорее освобождены совершенно невинные, томящиеся, подобно мне, в тяжком крепостном заключении. И если Комиссия из моих показаний открыла что-нибудь новое, то я покорнейше прошу не прилагать ко мне статьи свода законов, показанные кн. Гагариным, потому что на этом основании я милости государя императора не желаю и не заслуживаю и к прежним показаниям ничего прибавить не могу».

Секретный допрос Львова Гагариным не отражен в следственном деле Львова, но с его рассказом согласуются заключительные слова, написанные им после показания о переговорах по поводу тайного общества; он отказывался от роли доносчика. Он сделал показание «не потому, что желал помилования себе», написал его прежде, чем Гагарин показал ему соответствующую статью свода законов. Он сделал это «для скорейшего окончания дела и освобождения тех из нас, несчастных заключенных, которые, может быть, невинны или, по крайней мере, мало виновны», а потому просил не исправлять ему высочайшего помилования на основании этой статьи, «ибо я его в этом смысле не заслуживаю» («Дело петрашевцев», т. I, 1937, стр. 422).

Рассказ Львова по тексту «Колокола» мы воспроизводим в подстрочном примечании. Он занимал часть отсутствующих в нашей рукописи восьми страниц, изъятых, очевидно, при подготовке к печати этого рассказа. Опубликованный в «Колоколе» текст Львова отредактировал Герцен. Явно принадлежит Герцену позднейшая вставка от слов: «Вот чего хотелось Гагариному» до конца абзаца. Здесь высказано предположение, что «олигархическая партия», предвидя, что «сын отнимет у нее рабов», стремилась поспорить Николая с наследником, чтобы заставить последнего отказаться от престола.

Печатаемая «Записка», дополняемая текстом, опубликованным в «Колоколе», является весьма ценным источником для изучения истории кружка петрашевцев.

〈ЗАПISKA O ДЕЛЕ ПЕТРАШЕВЦЕВ〉

〈I〉

〈СОБРАНИЯ ПЕТРАШЕВЦЕВ〉

Новые стремления в Европе, выразившиеся революцией 1848 года, имели сильное влияние на образованную молодежь в России и преимущественно в Петербурге. Надобно было видеть, с какою жадностью читались газеты того времени и какое сочувствие возбуждали первые успехи социализма. Апатическая дотоле молодежь встрепенулась, ожила. Несмотря на все затруднения, сочинения Прудона, Луи Блана, фурьеристов, сен-симонистов переходили из рук в руки; все старались познакомиться с новыми началами, во имя которых произошла революция. Неудивительно, что те, которые до 48-го года были уже знакомы с социальными учениями, которые имели у себя почти полную библиотеку всех последователей нового направления, сделались, естественно, центрами притяжения для всех мыслящих молодых людей. К числу таких центров принадлежал Михаил Васильевич Бутаевич-Петрашевский, который, вместе с кружком около него собравшимся, должен был сделаться козлом очищения — жертвою вечернею * за грехи русского народа.

Еще в начале 40-х годов Петрашевский познакомился с социальными учениями и по влечению страстной натуры своей сделался их усердным пропагатором. Получая около трех тысяч рублей серебром годового дохода, он имел возможность принимать у себя довольно многочисленное общество, состоявшее преимущественно из фурьеристов; но с 1848 года эти собрания получили некоторую организацию. По предложению хозяина, назначено было собираться вечером по пятницам и посвящать это время на критический разбор различных социальных систем, а для большего порядка во время прений, которые могли возникнуть, старший по летам должен был при помощи колокольчика восстанавливать тишину в собрании. (Колокольчик этот впоследствии казался страшным орудием революции для следователей.) Многие приняли на себя обязанность сделать изложение социальных систем (напр.: Данилевский — фурьеризма, Спешнев — коммунизма), а Петрашевский предложил, что, прежде чем говорить о социализме, полезно было бы возобновить в памяти начала политической экономии, чтобы яснее понимать настоящие экономические отношения общества, которые так строго осуждаются социальными теориями. Эту обязанность принял на себя Ястрежмбский.

Вечера начались осенью 1848 года. В пять-шесть сеансов Ястрежмбский изложил главные начала политической экономии. Взгляд его на эту науку приближался всего более к Миллю. Во все время он позволил себе одну только либеральную выходку. «Правительство, — говорил он, — в смысле политико-экономическом, есть тоже товар: граждане в виде податей и налогов покупают себе внешнюю и внутреннюю безопасность, т. е. жертвуют частью своего достояния, чтобы иметь войско, флот, суды, администрацию, полицию и т. п. Следовательно, если товар этот дешев и хорошего качества, то содержание правительства не противоречит политико-экономическим началам. Если божиею милостью купец Чаплин продает нам дешево хороший чай, то мы все покупаем у него; но если он начинает продавать дорого худой, то мы обращаемся к другому, который тоже купец божиею милостью».

После этих интересных бесед порядок, в котором предполагалось их продолжать, нарушился¹: Данилевский должен был отлучиться из Петер-

* Аресты политических преступников производятся всегда ночью. — *Примеч. Львова.*

бурга, а Спешнев отказался от изложения учения коммунистов. А потому некоторые из посетителей этих вечерних собраний читали свои разъяснения о разных вопросах, напр.: Толль — «О происхождении религиозного чувства», Львов — «О связи между наукой и промышленностью», «Об энциклопедическом и специальном образовании» и т. п. Из них рассуждение Толля заслуживает внимания по тому обороту, какое дала ему Следственная комиссия. Толль (лютеранин) старался доказать, что чувство подавленности человека пред громадными и неведомыми силами природы послужило основанием религиозному чувству и что этим страхом воспользовались умные люди, чтобы провести нравственные законы для человеческих обществ, под авторитетом тех существ, которые управляют этими силами. (Следственная комиссия назвала эту диссертацию — речью против бога.)

В ноябре месяце Тимковский прочитал речь, в которой вызывал всех к действию. Пока, говорил он, мы здесь толкуем о превосходстве одной социальной системы перед другою, которые, по моему мнению, только концентрические круги, описанные из одного центра, — реакция задавит социальное движение. Вы, слабые, не страшитесь моих слов — я вас не зову на площадь! Вы, сильные, не торопитесь! Но пусть каждый из нас в своем кружке действует, как он знает, для торжества новых идей².

Речь эта вызвала несколько рукоплесканий, но произвела вообще очень дурной эффект. Пышный набор фраз, заимствованный из последней речи какого-то депутата Национального собрания, оказался не больше не меньше как фейерверком. В самом деле: неужели можно было надеяться, что тридцать, сорок петербургских юношей остановят начинавшийся поток реакции в Европе. Кто такие были слабые и сильные в этом собрании? Зачем понадобилась площадь? Все это было неуместно и не могло принести никакой практической пользы для людей, которым надобно было только политическое воспитание. Более всех недоволен был этою речью сам хозяин Петрашевский: разговаривая со Львовым и со многими другими, он говорил, что увлечь на площадь сотню, тысячу пылкой молодежи легко, но к чему бы это послужило? Их перестреляли бы картечью или повесили бы не только без всякой пользы для дела, которого они хотели быть защитниками, но и во вред ему. А на подозрения в робости он отвечал: «Я, конечно, выйду последним на площадь, если даже этого потребует необходимость, но зато последним и сойду с нее».

Черносвитов также находил, что все теории — прекрасные вещи, но что, дескать, они мало подвигают дело. Мастер говорить, он увлекал и других к либеральничанью, которое совершенно безвредно теперь и которое было так опасно тогда.

Наконец в 1849 году в марте месяце один молодой человек (девятнадцати лет) Головинский высказался яснее: что мы рассуждаем о таких вопросах, которые в настоящую минуту не могут быть практически решены в России, займемся лучше такими, которые представляют существенный интерес. «Пожалуй, — отвечал Петрашевский. — У нас в России три жизненных вопроса: вопрос о судопроизводстве и судоустройстве, вопрос крестьянский и вопрос о свободе слова. Я, — продолжал он, — ставлю вопрос о реформе суда первым, и вот почему: прежде всего надобно удовлетворить общей потребности, а в справедливости нуждаются все в государстве. Крестьянский вопрос заденет интересы дворян, вопрос же об улучшении судопроизводства найдет в большей части граждан полное сочувствие». Показав потом всю важность учреждения открытого суда и присяжных, он заключил, что и самый крестьянский вопрос подвинется, потому что пред всеми откроется все безобразие и вся несостоятельность крепостного права из частных дел, решаемых публично в суде.

Для достижения этой реформы стоило только, по его мнению, дворянским и городским обществам всех губерний воспользоваться, на основании своих грамот, правом рассуждать о своих нуждах и потребностях, в числе которых, разумеется, первое место должно занимать правосудие, и обратиться потом с адресами или с прошениями к правительству об измене-

М. В. БУТАШЕВИЧ-ПЕТРАШЕВСКИЙ

Акварель, 1840-е гг.

Отдел истории русской культуры Эрмитажа, Ленинград

ний судоустройства и судопроизводства. Без явного нарушения справедливости, по его же мнению, правительство не могло бы отказать в этом, тем более, что это не представляло бы для него ни малейшей опасности.

Головинский едва мог дожидаться окончания длинной речи Петрашевского. «Нет! — вскричал он, — самая вопиющая несправедливость есть рабство 60 миллионов крестьян (ему заметили, что их только 20 миллионов). Все равно!» — продолжал он и говорил очень горячо и очень хорошо против рабства, против эксплуатации человека человеком и т. п. — «Все это так, — возразил Петрашевский, — и все это мы очень хорошо знаем, но каким же образом можно будет достигнуть освобождения крестьян? У нас у всех может быть наберется тысячи две, три душ. Если мы их отпустим на волю, мы будем только дураками: сами лишимся состояния, а их положения не улучшим, они перейдут только от одного помещика к другому, худшему — к государству, к окружным начальникам». — «Нет! —

возразил Головинский, — крестьяне не могут долее сносить своего положения, они готовы восстать». — «Неужели вас может прельщать перспектива пугачевщины?» — заметил ему Львов. «Или вы желаете, — сказал Петрашевский, — чтобы власть перешла в руки попов — другого образованного сословия после дворян?» — «Нет! — возразил Головинский. — Крестьянам надобно диктатора, который бы повел их!» — «Как! — прервал его Петрашевский тихим, но твердым голосом, — диктатора! который бы самоуправно распоряжался! я ни в ком не терплю самоуправления, и если бы мой лучший друг объявил себя диктатором, я почел бы своею обязанностью тотчас же убить его». Этот разговор был последний — он мотивировал арест.

Все эти разговоры происходили в присутствии агента Ивана Петровича Липранди — Антонелли *, который введен был на вечера Петрашевского Толлем, человеком доверчивым ко всем, кто только выдавал себя за либерала. Антонелли давно уже вертелся около Петрашевского, но не был им приглашаем на пятницы. Толль, увидя его раз поутру у Петрашевского, сошелся с ним за бутылкою вина в трактире и решился с ним вместе нанять квартиру и в первый же после того вечер привез его к Петрашевскому, не предварив его о том. Петрашевский был этим недоволен, потому что считал Антонелли пустоголовым мальчиком. Но этот мерзавец, достойно носящий фамилию знаменитого кардинала, воспользовался случаем, чтобы втереться не только к Петрашевскому, но и к другим знакомым Толля, и совершенно безвинно предал их на несколько тяжелых недель крепостного заключения. Но будем справедливы: как было устоять Антонелли против искушения — получить 1000 рублей серебром награды? И мало ли нашлось бы Антонеллей в то время?

Кроме этих вечеров у Петрашевского, о которых Антонелли делал еженедельно подробный донос, были другие собрания, на которых Антонелли не присутствовал, но о которых Следственная комиссия узнала уже из собственных показаний заключенных. Главнейшие из них были следующие:

Фурьеристский обед в день смерти Фурье³, на котором было произнесено несколько речей, впрочем весьма миролюбивого содержания, не имевших важных последствий для участи в нем участвовавших **.

Собрание у Кашкина для складчины на библиотеку запрещенных книг, причем Кашкин говорил речь о том, как Россия может перейти от монархического образа правления сперва к конституционному и потом к республиканскому ***.

Вечера у Дурова происходили на складчину 14 человек. На них участвовали наполовину литераторы и музыканты, хотя и бывавшие у Петрашевского, но не очень симпатизировавшие с ним; им казалось, что у него

* *Рукою М. В. Бутаевича-Петрашевского на полях:* П р и м е ч. Петрашевский познакомился с Антонелли случайно, в СПб. управе благочиния, куда как тот, <так> и другой пришли по делу. Мунир министерства иностранных дел, который был на Антонелли (он служил в казначействе М. И. Д.), был поводом к сближению. Потом Антонелли явился к Петрашевскому с просьбою совета по делам о наследстве. Антонелли Петрашевскому едва <ли> не был обязан хорошим исходом своих дел, т. е. получением 6 или 10 тысяч сер. наследства, а Толлю едва ли не жизнью, ибо он без Толля был бы выброшен из окна Преображенских казарм.

О провокаторских действиях Антонелли и Липранди могут быть сообщены известия Толлем.

** *Рукою М. В. Бутаевича-Петрашевского на полях:* П р и м е ч. Этого нельзя сказать безусловно. Для некоторых и это обстоятельство послужило поводом к обвинениям и осуждениям — как, напр., Ханыков единственно за речь на сем обеде подвергся осуждению.

*** *Рукою М. В. Бутаевича-Петрашевского на полях:* П р и м е ч. Едва ли это справедливо. О сем обстоятельстве следует справиться у Кашкина и без согласия лиц, которые при сем находились, делать ошибочно <?> сообщение не следует⁴.

недостает теплого чувства, что у него один только холодный ум, и, наконец, что он упрям, как бык, который уперся рогами в одно место и с него не сходит. Половина этих вечеров посвящалась музыке, а другая — литературным чтениям, не имевшим никакого почти значения, и частным разговорам, разумеется, очень свободным, о событиях дня, о новостях из Европы, о их значении и т. п. Зашла было на этих вечерах речь о заведении домашней литографии для распространения нецензурных сочинений, но Федор Достоевский не согласился на это, и замечательно, что он один именно и был осужден за намерение завести литографию (как внимательно делались обвинения!)⁵. Но самым важным по печальным своим последствиям было чтение сказки конно-гренадерского поручика Григорьева. Это было уже в доме Спешнева, который пригласил вместо обычного вечера к себе обедать всех собиравшихся у Дурова, потому что начали замечать каких-то подозрительных людей, которые ходили около дверей квартиры Дурова, когда собиралось у него общество. Сказка эта была не что иное как истинный рассказ о том, как «незабвенный»⁶ собственноручно поколотил в кабаке двух матросов за то, что они, едва держась на ногах, предпочли войти в пристань, а не салютовать ему при встрече снятием фуражек. Рассказ заключился вообще рассуждением о плохом житье-бытье солдата фронтового и бессрочно-отпускного. Дорого же обошелся этот юмористический рассказ Григорьеву! *.

Разговор между Черносвитовым, Спешневым и Петрашевским заслуживает внимания потому только, что в деле этому хотели придать особенную важность. Говорил Черносвитов о том, возможен ли бунт в России и откуда он мог бы с успехом начаться. По его предположению, бунт мог бы начаться с нерчинских заводов, потом на Алтае и на Урале и, наконец, в России, в Петербурге. Он основывал это на всеобщем неудовольствии горных рабочих, которые будто всегда готовы подняться, и на том, что такие местные восстания, начиная с самых отдаленных мест государства, заставят удалить войска из Центра. Если Черносвитов не был агентом-provokатором, то это была только самая пустая и нелепая фанфаронада с его стороны, начиная с бунта на нерчинских и алтайских заводах, потому что кто хотя сколько-нибудь знает эти заводы, тотчас поймет всю невозможность какого-либо политического движения из этого источника**.

Наконец, самым важным пред глазами Следственной комиссии было совещание 5-ти, известное между ними под именем «перепелчьего сыра». Момбелли, разговаривая со Львовым о всех пакостях высоких сановников, которые не страшатся нисколько общественного мнения, тем более, что оно почти и не существовало не только в России, но и в Петербурге, сказал: «А недурно было бы составить тайное общество, которое бы имело целью направлять общественное мнение против всего мерзкого, подлого, рабского, против произвола и насилия и возвышать все хорошее, доброе, гражданскую доблесть и пр., а также выдвигать всех не только передовых, но и вообще честных и умных людей, стараться, чтобы они заняли влиятельное положение как на службе, так и в обществе. Какая была бы сила у нас через несколько лет!» — «Да, — отвечал Львов, — такое общество могло бы принести и другую пользу: если в России

* *Рукою М. В. Буташевича-Петрашевского на полях:* П р и м е ч. Для Григорьева этот рассказ слишком много получил значения в смысле обвинения, ибо он был написан печатными буквами. А Спешнев, у которого он был найден, обещался Григорьеву взять это на себя, но при следствии объявил, что это сочинено Григорьевым, которого следователи почли распространителем и других вещей, которые будто бы ходили по городу⁷.

** *Рукою М. В. Буташевича-Петрашевского на полях:* О сем ничего (не) следует сообщать. М. В. П. Весь предыдущий абзац, к которому относится это замечание, начиная со слова Разговор, зачеркнут им же.

совершится когда-нибудь политический переворот, то из этого общества могут выйти готовые политические деятели». Так рассуждали двадцатитрехлетние юноши под неостывшим еще впечатлением «*Juif errant*»!⁹ Эту мысль Момбелли сообщил Петрашевскому, который после одного вечера в пятницу попросил Львова, только что с ним познакомившегося, остаться, когда все разойдутся, и затем предложил ему внезапно вопрос о тайном обществе. На этом первом совещании же положено было не давать политического направления обществу, если оно составится, но только, отбросив всякую личность, братски помогать друг другу к достижению предположенной цели: т. е. направлять известным образом общественное мнение и выводить вперед людей достойных и, разумеется, не приверженцев самовластия. Тут же положено было пригласить Спешнева для обсуждения этого дела. По получении его согласия назначено было 7 декабря собраться к Спешневу вечером. Петрашевский, всегда несколько подозрительный, предполагал, что Момбелли и Львов будут действовать всегда заодно, и, не надеясь на Спешнева, пригласил еще от себя Дебу, на поддержку которого он рассчитывал и думал таким образом привести в равновесие все влияния *. 7, 14 и 23 декабря происходили совещания, на которых всякий поочередно излагал свое мнение. Момбелли и Львов остались верными своей программе; Львов только прибавил, что членов мало для того, чтобы совещаться об организации общества, и о том, как устроить его аффилиации. Петрашевский прибавил к первоначальной программе и пропаганду социальных учений, а в особенности фурьеризма **. Но Дебу к общему удивлению объявил, что он видит только спасение настоящего общества в осуществлении системы Фурье, а потому он будет ее пропагировать; все же другие реформы в общественном и политическом быте он считает бесполезными, потому что конечный результат их такое же (разумеется, с фурьеристской точки зрения) ложное и вредное положение, как и теперь. И что, следовательно, он готов быть членом, но для того только, чтобы пропагировать свою религию. Наконец, в последний вечер Спешнев говорил ***: «Есть три способа для достижения какой-либо политической цели: иезуитский, тайной интриги, как предлагают Момбелли, Львов и отчасти Петрашевский, явной пропаганды, как предлагает Дебу, и открытою силою. Если бы мне нужно было действовать, я бы избрал последний, а средством к тому — бунт крестьян! Теперь я предлагаю, что, если хотя один член не будет согласен на составление тайного общества, то обществу не быть, и этот член я». Впоследствии, когда сделана была попытка нового сближения с ним, он отвечал письмом ****, в котором писал между прочим, что, по его понятию, занятием общества будет *chasse aux places* *****. Таким образом общество рушилось в самом начале, и между расшедшимися членами было постановлено никому не говорить об этой неудачной попытке *****. Как узнала об этом Следственная

* Рукою М. В. Буташевича-Петрашевского на полях: Еще потому, что, зная миролюбивый характер Дебу, сим надеялся воздержать других от крайностей и неблагоприятных решений.

** Рукою М. В. Буташевича-Петрашевского на полях: Петрашевский указывал и изложил образ действия лиги об отмене хлебных пошлин в Англии и указал на О'Коннеля, как на образец, как должно действовать, желая реформ в государстве¹⁰.

*** К слову говорил М. В. Буташевичем-Петрашевским сделано примечание: (прочитал по рукописи. Рукопись эта тогда же была сожжена).

**** Слова когда ~ письмом зачеркнуты Петрашевским и вместо них вставлено: Спешнев написал письмо, в котором, оправдывая свое мнение и упорство в нем, изъяснял, что все другое, кроме крестьянского немедленного освобождения.

***** Погоня за местами (франц.).

***** Слова общество ~ попытке изменены М. В. Буташевичем-Петрашевским на: из разговоров о составлении тайного общества ничего не вышло. Все разговаривавшие об этом обязались никому не говорить.

Александръ Ивановичъ
Львовъ

Новая империя и ее политическая
ситуация и ее политическое значение
в Европе; в частности, роль России
по отношению к Европе; влияние на Европу
русской революции; в России и ее политическое
значение. Насколько далеко зашли в своем
идеологическом развитии русские, и насколько
они далеки от того, чтобы быть
среди первых держав социализма. До-
стижения русской революции; ее значение
для Европы. До какой степени Россия
выступила, со своей стороны, в качестве
одной из держав, вступивших в союз с
переворотом в России. В России, в ее
идеологическом и политическом развитии
в том, что касается ее роли в Европе.
Не удалось ли России, в том, что касается
ее роли в Европе, быть первой среди
держав, вступивших в союз с
переворотом в России. В России, в ее
идеологическом и политическом развитии
в том, что касается ее роли в Европе.
Не удалось ли России, в том, что касается
ее роли в Европе, быть первой среди
держав, вступивших в союз с
переворотом в России. В России, в ее
идеологическом и политическом развитии
в том, что касается ее роли в Европе.

Политическая ситуация в Европе
по отношению к России; роль России
в Европе; влияние на Европу
русской революции; в России и ее
политическое значение. Насколько
далеко зашли в своем идеологическом
развитии русские, и насколько они
далеки от того, чтобы быть среди
первых держав социализма. До-
стижения русской революции; ее
значение для Европы. До какой
степени Россия выступила, со своей
стороны, в качестве одной из держав,
вступивших в союз с переворотом
в России. В России, в ее идеологическом
и политическом развитии в том, что
касается ее роли в Европе.

Итого, в Европе, в том, что касается
ее роли в Европе, быть первой среди
держав, вступивших в союз с
переворотом в России.

ЗАПИСКА О ДЕЛЕ ПЕТРАШЕВЦЕВ, 1860 г.

Автограф Ф. Н. Львова. Сверху помета неустановленной руки.

Лист 1

Из бумаг Герцена — Огарева, полученных АН СССР в дар от Болгарской Академии наук
(«Софийская коллекция»), Москва

комиссия — это тайна; верно только, что ни Львов, ни Момбелли, ни Петрашевский этого не выдали. Спешнев же впоследствии вообще отказывался от всех разговоров, касающихся до дела *.

II

ЗАКУЛИСНЫЕ ПОВОДЫ ПРЕСЛЕДОВАНИЯ

Всем известно, что арест Петрашевского и его знакомых последовал по доносу Ивана Липранди, без участия III Отделения и жандармов. Действительный статский советник Липранди служил в Министерстве внутренних дел и известен был своими преследованиями раскольников, составлявшими для него выгодную статью дохода. Это была для него золотая россыпь, из которой он хищнически добывал драгоценный металл. Жадный к деньгам, он не гнушался никаким делом и запутался наконец в деле наследников золотопромышленника Мясникова, так что, несмотря на поддержку министра внутренних дел Перовского, он мог рисковать идти на поселение. Надобно было оказать такую услугу Николаю Павловичу, которая бы навсегда упрочила его положение. Зная честолюбие Перовского, он внушал ему, что вся полиция как тайная, так и явная должна быть сосредоточена у него в руках, тем более, что III Отделение ничего не делает, что оно даже не следит за революционными собраниями, известными всему Петербургу, что он берется устроить дело таким образом, что государь увидит ревность Министерства внутренних дел к охранению государства от внутренних и опасных врагов и недейтельность жандармов. Конечно, Перовский согласился. Желая же угодить Орлову, он думал затянуть в общество Петрашевского золотопромышленников, дабы Орлов мог найти удобный предлог воспользоваться теми россыпями, которые останутся неразработанными по удалении их хозяев в крепости или в ссылку. Но, к сожалению, последний расчет ему не удался.

Понятно, почему Липранди избрал преимущественно Петрашевского предметом своей нежной заботливости: Петрашевский был лично ненавистен Николаю Павловичу и Перовскому **.

При самом начале французской революции в С.-Петербургской губернии были дворянские выборы. Под рукой дано было знать, что государю будет приятно, если дворяне поднесут ему адрес, в котором будет осуждаться движение Западной Европы, и ответом на этот адрес готовился знаменитый манифест «С нами бог, разумейте языцы и покоряйтесь, яко с нами бог»¹². Но Петрашевский, как член петербургского дворянства, начал доказывать всю неуместность осуждения политических дел; он говорил, что дворянское собрание не вправе рассуждать о том, что по закону принадлежит только Государственному совету, что петербургское дворянство, как бы вызывая на бой этим адресом всю Европу, не зная желаний других сословий государства, должно одно взять на себя тягость войны и что, наконец, самое выражение верноподданнических чувств дворянства, которые дворяне всосали вместе с молоком и которое перешло в их кровь, было, по его мнению, излишним; потому что можно бы подумать, что правительство сомневается в этом, или что верховная власть требует

* *Ручкою М. В. Буташевича-Петрашевского на полях:* Так, Петрашевскому он объявил, что он ему ничего не скажет, ибо, пожалуй, это может Петрашевский огласить, вместе с тем давая ему понять, что форма подписки и вступление его в общество была им написана по требованию следователей и потом обращена в обвинительный акт против него и послужила ловушкой для других, — что такой же характер ловушки имел дневник его, написанный в СПб. крепости. Ибо ничего не значит форма, чужой ответ или показание ни для кого не обязательно, всякий может опровергнуть¹¹.

** *Последнюю фразу М. В. Буташевич-Петрашевский переделал так:* Петрашевский мог быть неприятен Николаю Павловичу и лично ненавистен Перовскому.

подкрепления и т. п., и в заключение он сказал: «A mon avis, ça ne sera pas une adresse, mais une véritable maladresse»*.

Результатом всего этого было то, что 142 голосами против 42 подписом своих имен отвергнуто было осуждение движения Западной Европы и положено было только выразить в адресе верноподданные чувства государю. Следствием этого был отказ в принятии адреса, и Николай Павлович, призвав к себе некоторых из дворян, передал им, что он не сомневается в чувствах дворянства, и уверял их, что они могут быть покойны насчет крестьян, что он даже никогда не думал об их освобождении, а также, что журналистика русская более не будет затрогивать этого вопроса.

Петрашевский, верный своей идее, налитографировал также в восьми пунктах предложения дворянскому сословию — заняться обсуждением того, что касалось их нужд и потребностей. В числе их между прочим было: а) о дозволении купцам покупать заселенные имения под условием делать крестьян обзанными, б) изменение судостроительства и судопроизводства и в) надзор за административными властями, — и предлагал по обсуждении его предложений просить правительство об утверждении новых учреждений (земледельческих банков, приходских касс и т. п.) и реформ. Его не допустили прочесть пред собранием этих предложений, потому что он явился не в мундире**.

Перовский же сделался личным врагом Петрашевского по следующему обстоятельству. В преобразованной Петербургской городской думе Петрашевский предложил себя к выбору в секретари думы и налитографировал программу, из которой видно было, что полиция будет устранена от многих хозяйственных распоряжений по городу, а домохозяева получат определенные гарантии относительно неисправных жильцов и против притязания полиции. Министерство предложило своего кандидата и неправильными выборами доставило ему место секретаря. Петрашевский завел с министерством по этому случаю процесс в Сенате и уже в крепости получил отказ на свою просьбу.

Наконец, падение Петрашевского и его кружка, поклонников гниющего Запада, могло быть приятно ультраславянофильской московской партии и могло примирить их с правительством, что при тогдашнем положении дел было очень важно.

Таким образом все предвещало блестящий успех г. Липранди.

III

СЛЕДСТВЕННАЯ КОМИССИЯ И УСОВЕРШЕНСТВОВАННЫЙ ЗАСТЕНОК

В ночь с 23-го на 24 апреля 1849 года все собиравшиеся у Петрашевского и даже многие носившие одинаковую фамилию с его знакомыми, были арестованы¹⁴, исключая Львова, вместо которого взяли его однофамильца и однополчанина; забраны были все бумаги и все книги, и все это было свезено сначала в III Отделение, а потом в крепость. В городе распустили слух, что арестовали злоумышленников, собиравшихся в каких-то подземельях, что у них был умысел убить царя на разводе 23 апреля

* Непереводаемая игра слов, основанная на созвучии слов «adresse» и «maladresse»; букв.: «По-моему, это будет не адрес, а поистине неловкий поступок» (франц.).

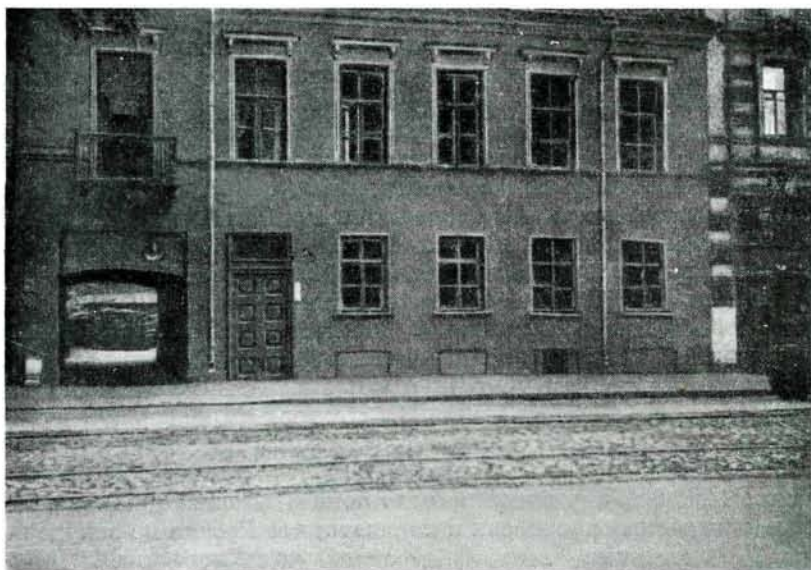
** *Рукою Петрашевского добавлено на полях*: Петрашевский по убеждению губернского предводителя дворянства Потемкина этих предложений не сделал, а вместо этого литографированную программу распространил в собрании, что было причиной того, что и некоторые другие из СПб. дворян тоже приготовленные у них проекты о вопросах, до крестьян относящихся, не предложили, ибо под рукой говорили, что если это делается, то дворянское собрание для выборов закроется и все лица будут оставлены на прежних должностях или назначены от правительства.

Ответом на это и послужило забаллотирование адреса подпискою¹³.

(отчего и парадный этот развод был отменен), а также, что это люди были безбожные, которые будто бы испражнялись на образа, и т. п. нелепости.

Следователями назначены были: Набоков, старый солдат, змей — князь Павел Павлович Гагарин, Иаков — энтузиаст Ростовцев, надутый барскою спесью князь Долгоруков (теперешний шеф жандармов) и известный Леонтий Васильевич Дубельт. Самым благонамеренным из этих членов был... Дубельт!

Сначала следователи всякого уверяли, что дело очень важно, что оно имеет характер государственного преступления, что открыт будто бы заговор, замысел бунта и т. п. и что только чистосердечное признание может спасти заключенного; вместе с тем они внушали, по крайней мере весьма

ДОМ № 14 НА УЛИЦЕ САЛТЫКОВА-ЩЕДРИНА (РАНЕЕ КИРОЧНОЙ)
В ЛЕНИНГРАДЕ, ПРИНАДЛЕЖАВШИЙ Н. А. СПЕШНЕВУ

Здесь в 1848—1849 гг. собирались петрашевцы

Фотография 1955 г.

многим, менее компрометированным доносом Антонелли, что их еще завлекали, что не открывали настоящих намерений, и требовали в доказательство их невинности подробного рассказа о всем виденном и слышанном на вечерах Петрашевского и других знакомых. Часто очень они льстили уму молодых людей, удивлялись, как они могли связаться avec cette canaille-là *, и т. п. Одним из обыкновенных приемов их политики было то, что один член начинал нападать, угрожать даже, а другой отстаивать и как бы ссориться со своим сочленом, для того чтобы приобрести расположение к себе подсудимого, и если этот маневр удавался, то в келейной беседе друг-следователь старался выудить из неопытного юноши все, что было нужно. Вслед за этим стали появляться угрозы более сильные. «Что с ним церемониться, — говорил Гагарин про Спешнева, — надобно его под палки поставить!» Но Ростовцев закричал, что он этого не позволит, потому что Спешнев все-таки еще дворянин, хотя и преступный. «Мы вас штыком приткнем к стене, если вы не будете отвечать», — говорил Гагарин Петрашевскому, когда он отказался отвечать на какой-то

* с этой сволочью (франц.).

вопрос, не относящийся к делу. «Что ж, вы думаете, что получите ответ? — возразил спокойно Петрашевский, — немножко крови и больше ничего».

Неудивительно, что через шесть или семь недель Комиссия знала все, что только можно было знать о содержавшихся в крепости, и даже больше. Всякий менее компрометированный рассказал все, что только слышал, желая тем показать, что он не участвовал ни в каком заговоре и что даже разговоры, им слышанные, не могли заставить его думать о существовании какого-либо серьезного замысла. С другой стороны, строгое одиночное заключение заставляло разыгрываться фантазию молодых людей, по большей части владеющих хорошо пером, и они давали простор своей сочинительской привычке, описывая свои чувствования, свои впечатления и вдаваясь в анализ своих и чужих стремлений. Они не подозревали того, что просто выдумывали и на себя, и на других, что то, что им казалось действительностью, было следствием их расстроенного воображения и болезненного чувства одиночества, развившихся в мрачном каземате Петропавловской крепости.

Несмотря на все старания Следственной комиссии, она не нашла никаких фактов, которые бы обнаруживали преступление против первых двух пунктов¹⁵; справедливость требовала бы освобождения из тяжелого крепостного заключения почти полсотни молодых людей, и все, что самая подозрительная политика могла бы сделать для своей безопасности, — это разослать эту молодежь на жительство по разным уголкам империи и представить пред публику все их совещания в смешном виде. Но не того хотелось Николаю Павловичу. Он желал показать пример неумолимой строгости против всякого дерзнувшего подумать, что его правление не есть идеал совершенства. Хитрый князь Гагарин очень хорошо понимал это, и к тому же ему казалось неловким компрометировать правительство, будто оно без достаточного основания решилось на такую крутую меру, как арестование нескольких десятков молодых людей и заключение их в крепость; наконец, ему надобно было показать свои гениальные способности в политических процессах и показать, что Россия не оскудела Ушаковыми и Шешковскими¹⁶.

Следствие превратилось в *procès de tendances*, в процесс о стремлениях¹⁷. Задачею Гагарина стало отыскать не факты, а принципы заключенных и вывести из них, какой бы вред эти молодые люди впоследствии сделали бы государству по примеру Франции и Германии. Показания заключенных, разбор их бумаг особою Комиссиею, в которой заседал Липранди, давали уже достаточно к тому материалов, но Гагарину казалось этого мало: он потребовал от многих *profession de foi* * о разных политических и социальных вопросах в виде мнений и употребил самую ужасную пытку.

Тут пошли вопросы о том, что вы думаете о коммунизме? о фурьеризме? Что, по вашему мнению, выше — человечество, государство или семейство? и т. п. Чтобы показать, какие выводы он умел делать из этих показаний, достаточно рассказать, что на последний вопрос Львов отвечал, что понятие о человечестве, как общее, выше понятия частного: о государстве и семействе. «Следовательно, — прибавил Гагарин, — если бы интересы человечества не сходились с интересами государства и семейства, вы бы ими пожертвовали для воображаемого вами блага человечества — я этого и ожидал. Это совершенно согласно с мнением вашего учителя»¹⁸. Петрашевскому даже предложен был вопрос: как он желает, чтобы над ним произведено было следствие? На это он отвечал: есть два способа производить следствие: первый, существующий в наших законах, который охарактеризован словами великой Екатерины: «Лучше простить десять

* исповедание веры (франц.).

виновных, нежели наказать одного невинного». Другой — придуманный кардиналом Ришелье, который говорил: «Дайте мне десять слов, написанных рукою подсудимого, я его обвиню в преступлении, заслуживающем смертную казнь». Разумеется, я желаю первого рода следствия, но по всему вижу, что оно будет второго рода, потому что Дубельт в обвинение мое смел сказать: «Мы знаем, что у вас сожжены некоторые бумаги, и я даже видел пепел». Если бы кардинал Ришелье встал из гроба, то он на коленях бы признал себя школьником перед Леонтием Васильевичем, потому что тот основывал свое обвинение все-таки на каком-нибудь факте, а Л. В. основывает его на кучке пепла, случайно оставшегося от раскуривания трубки¹⁹.

Для чего же понадобилась пытка, когда все откровенно излагали свои мнения, а на них только и основывалось осуждение? А вот для чего: у Спешнева нашли в доме типографский станок²⁰ и оторванный листок бумаги, на котором было что-то вроде проекта подписки какому-то русскому тайному обществу. У Григорьева найдена была в палке шпaga с какою-то масонскою надписью, у Григорьева, который недавно приехал в Петербург, успел познакомиться с либералами и социалистами и выдвинулся вперед со своею возмутительною сказкою. Для Комиссии ясно было, что существует русское тайное общество, что, вероятно, оно не одно и что Григорьев — агент которого-нибудь из них, посланный в Петербург, чтобы разведать, что там делается; тем более, что у него нашли тетрадь, в которой были физиологические очерки встречавшихся ему людей в разных уголках России и, вероятно, отличавшихся какими-нибудь особенностями. Это почтено было за список, и вот собрали этих бедных людей и убедились, что между ними не было никакой связи, а в голове у них ни одной политической идеи²¹. «А сказка? Непременно написана она для возбуждения гвардии к мятежу», — думала Следственная комиссия и принялась за дело.

Спешнева морили три дня голодом; надобно полагать, что он сдался и сделал те открытия, какие только мог. Его показания, написанные в виде журнала, послужили для Комиссии драгоценным материалом; в них почти ничего не было забыто, даже ничтожная басня «Запасные магазины», сочиненная на министра государственных имуществ и кем-то рассказанная²². Надобно, однако, отдать справедливость Спешневу: тон его показаний был тон насмешки — презрения ко всем почти участвовавшим в этом деле. Он хотел показать, что серьезного дела нельзя было и замышлять с такими ничтожными людьми и что он один только между ними имел преступные намерения, а отвернулся от этой молодежи потому, что не находил в них опоры. Он предполагал, может быть, что спасет этим других и один сделается интересною жертвою. Но Комиссия извлекла из его показаний все разговоры, которые клонились к осуждению правительственных лиц и распоряжений, и возвела их в преступления. Усиливая тон насмешки или презрения, господствовавший в показаниях Спешнева, она раздражала допрашиваемых против него самого или против других, кому она влагала в уста этот тон. Форма журнала способствовала уличать записавшегося в словах, им произнесенных, потому что небольшие выдержки из него, показываемые или читаемые, наводили на мысль, что этот журнал был захвачен у кого-то вместе с бумагами и что, следовательно, он был написан до начала следствия. И в наказание Спешневу Комиссия помиловала его: вместо бессрочной он был осужден на десять лет каторжной работы и заклеен в приговоре особым уважением ее к искреннему его раскаянию и важным открытиям, им сделанным.

Но эта пытка была слишком проста, она могла открыть только факты, а не сокровенные мысли: прибегли к систематической отраве наркотическими средствами, преимущественно белладонной. Жертвами были

преимущественно Петрашевский и Григорьев, вероятно Катенев и отчасти Момбелли.

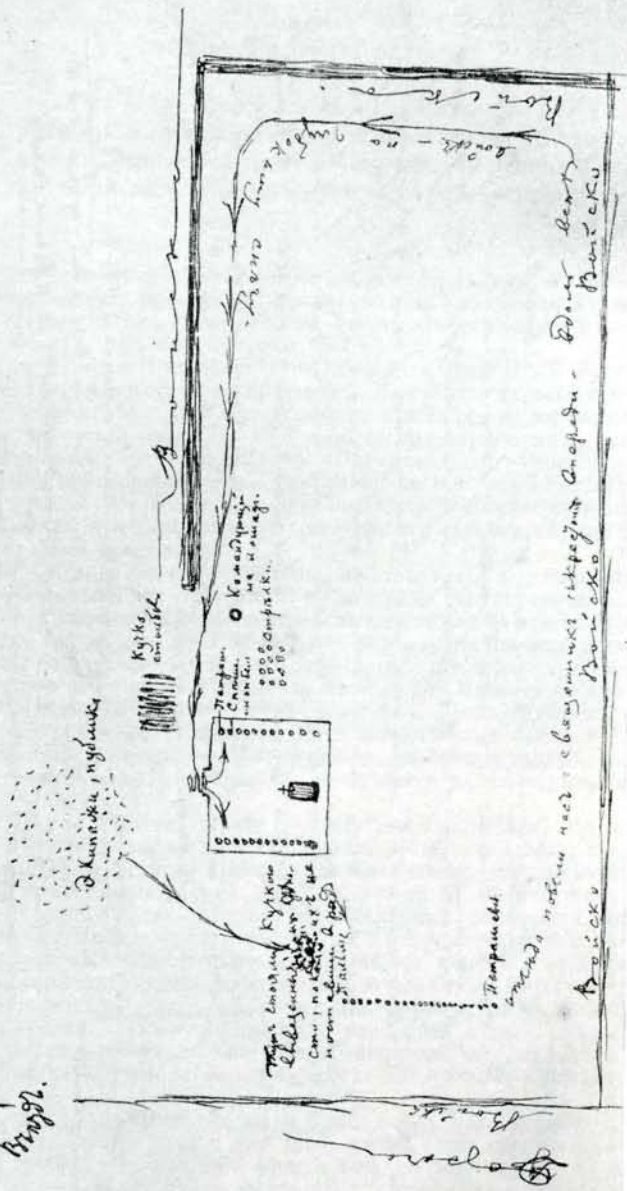
Вот в какое положение приводили несчастных страдальцев. Расширение зрачка, видение мух или искры перед глазами, приливы крови к голове, запор на низ, жилище, которое оканчивалось у некоторых выпадением заднепроходной кишки и разрывом промежности; страшное раздражение слуха и осязания до такой степени, что кажется вся кожа слышала, а малейший стук казался пушечным выстрелом. Упадок воли, чрезвычайное развитие фантазии и воображения. Неудержимая склонность к нелепым действиям (напр. улететь в форточку). Галлюцинации, бешенство и продолжительные обмороки. И в это-то время за стенами начинались разговоры, казалось, что невидимые духи окружают несчастного и терзают его, казалось, что летающие призраки, мухи говорят и неотвязно жужжат около него иногда одно нелепое или бранное какое-нибудь слово. В другое время слышался рассказ, что будто в Петербурге произошла революция и все товарищи во главе временного правительства, а пытаемого оставили будто в крепости, потому что не хотят с ним разделить власти; или что крепость еще держится и пробрались только смельчаки, которые требуют приказаний, что делать с императором. Если ты боишься сказать, то плюнь, когда пробьют часы,—это будет значить, что его надобно убить. Но более всех досталось Григорьеву. Не зная с какой стороны его взять, они окружали его то мнимыми франкмасонами, то иллюминатами, то староверами или раскольниками, то иезуитами-поляками и даже евреями, и все они обещали его освободить, если он скажет, что он их. Староверы обещали его увезти, когда приедут чистить отхожие места, франкмасоны уверяли, что стоит им ударить молотками и Николашка все сделает, и т. п. нелепости, которые только выводили из терпения несчастного. В исступлении он вскрикивал: «Что вам, черти проклятые, от меня надобно?» — и получал в ответ: «Нет, Кокоса (Григорьева зовут Николай Петрович), скажи, что тебе было надобно?» и ответ сопровождался сатанинским хохотом. Не имея почти никаких сведений в естественных науках, почти не знакомый ни с целями, ни с средствами тайных и мистических обществ и перед крепостным заключением страдавший печенью, он окончательно погиб и помешался на сверхъестественном влиянии тайных обществ. Жизнь его с этих пор стала постоянным сном, ум его работает только над воспроизведением образов; для него не существует ни места, ни времени. Его рассказ, когда он говорил еще много, переносился из Испании в Палестину, оттуда в Шотландию, в Крым, в Запорожскую Сечь, в Россию и сводил вместе личности разных наций и племен: князей Телятевских с какими-то шотландскими баронами, с Гиреями, с Нарышкиными, с Робеспьером и, наконец, с совершенно не существовавшими никогда Малиновыми Крулями, каким-то Петром Ивановичем и какою-то бабушкой, которая из дыры дует в медные трубы и заставляет его страдать. Все они резались, умирали, воскресали при содействии иезуитов, франкмасонов, тамплиеров и т. п. В первое время всылке ему помогали еще слабительные и на него находили светлые минуты, но сильное подозрение, которое он имел ко всему, что ему давали, воображая, что это яд, заставило его наконец с упорством и даже бешенством от всего отказываться, и он погрузился, если еще живет, в непробудный умственный сон²³.

Петрашевский был крепче его и выдержал: он не верит ни во что сверхъестественное и понимал свое положение. Раз в крепости, сидя в ванне и только пришедши в чувство, он говорил рыжему доктору по-латыни: «Ты видишь, что я умучен, возврати мне своею наукою здоровье и раскусудок, он мне теперь всего нужнее». Но доктор, приложив руку к его голове, отвечал как будто кому другому: «У него голова еще не очень горяча».

Привезутся: скандинавские и японские
распознающие на.
Самоефтану пишу 22 дек. 1849 г.

Транша вала. карды нехот.

Второй.

НА СЕМЕНОВСКОМ ПЛОЩАДУ ВО ВРЕМЯ ГРАЖДАНСКОЙ КАЗНИ ПЕТРАШЕВЦЕВ 22 ДЕКАБРЯ 1849 г.
Чертеж Д. Д. Ахшарумова. Сделан в письме к В. И. Семеновскому от 5 апреля 1901 г.
Центральный исторический архив, Москва

[illegible]

- с блужданий, напечатано: «Командованье "Кр. сапары"»
 = «Зато не было м.к. повстанцев пущай упрямство»
«Запаренки а была команда: "Приманка!"
И заманяла обиданцев "Нун"»

ПЕТРА ПЕРВОГО НА ЭШАФОТЕ ВО ВРЕМЯ ЦЕРЕМОНИИ ГРАЖДАНСКОЙ КАЗНИ 22 ДЕКАБРЯ 1849 Г.

Чертеж Д. Д. Ахшарумова. Сделан в письме к В. И. Семевскому от 5 апреля 1901 г. В пояснительном тексте указаны источники, дополненные в записках М. А. Корфа

В бешенстве Петрашевский выломал дверь, несколько времени был в сумасшедшей рубашке привязан к постели и вероятно несколько дней был в совершенном беспамятстве, потому что он не имел сознания, когда ему пускали кровь*

⟨IV⟩

⟨ОБРЯД КАЗНИ⟩

⟨ ⟩**

Но вдруг, как будто опомнясь, прибавил полицейским тоном: «А разве вы имеете сказать что-нибудь особенное?». «Ничего!— отвечал Момбелли с презрением,— я так спросил». Вслед за тем Петрашевского, Момбелли

** Далее в рукописи отсутствует два двойных листа, т. е. 8 страниц. Нижеследующий текст, частично восполняющий пропуск в рукописи, был напечатан Герценом под названием «Львов и Гагарин (Отрывок из записки о деле петрашевцев)» и воспроизводится здесь по «Колоколу» (л. 140, от 1 августа 1862 г.):*

Раз Львов потребован был в Комиссию; в комнате был один П. П. Гагарин (нынешний председатель совета). Он начал расспрашивать Львова с участием о его летах, о семействе и т. п. и потом сказал: «Вы штаб-офицер, и в таких молодых летах (ему было 25 лет) потерял все — это ужасно». — «Я совершенно верю в милосердие государя и в вашу справедливость», — отвечал Львов. «Да милость государя надобно чем-нибудь заслужить», — тут доблестный князь указал на статью законов, которая доносчику дает эту милость. Львов был очень удивлен этим оборотом, потому что его спрашивали почти последним и все было уже открыто до его показаний; ему непонятно было, как он может быть доносчиком.

«Слушайте внимательно и не перебивайте меня, но старайтесь хорошенько понять. Все, что вы до сих пор показывали, — пустяки; но это дело государственное, тут никого не нужно падить. Вы человек умный, вы не могли надеяться на ваших товарищей: вы должны были искать опоры для себя посильнее для осуществления ваших идей. Скажите же, на кого вы надеялись? Не бойтесь, это вам будет очень полезно: как бы ни было высоко поставлено это лицо, — я конечно не могу его назвать по имени, — но вы назовите, повторю, как бы высоко, выше всех нас, исключительно ни было поставлено это лицо, назовите его! Конечно, оно с вами может быть и не имело непосредственных сношений, но тут все важно: улыбка, одобрение, слово, полуслово, предупреждение, все важно! Вот вам бумага, подумайте и напишите в вашем каземате».

Грустный пришел Львов в казематы, он был глубоко оскорблен, что его могли считать за доносчика. Но что такое от него требовали? Долго он думал, вдруг стало ему все понятно: года за два перед этим у Момбелли были литературные вечера, в которых он участвовал. Из арестованных их только было двое, Момбелли и он, которые о них знали. Вечера эти прекратились потому, что наследник, нынешний император, бывший тогда дивизионным начальником, просил их прекратить на том основании, что в городе носились слухи о их чрезвычайном либерализме, и хотя он этому не верит, но ему будет неприятно, если до государя дойдут эти ложные слухи. Вот чего хотелось Гагарину. Что бы последовало за этим открытием? Повторилось ли бы дело царевича Алексея, или просто это было лакейское желание поссорить отца с сыном? Может быть, олигархическая партия действительно уже предвидела, что сын отнимет у нее рабов, и хотела воспользоваться удобным случаем для того, чтобы заставить его отказаться от престола.

Львов сейчас сел и написал: «Все, что до сих пор мною было показано, сделано было для скорейшего разяснения дела и для того, чтобы были скорее освобождены совершенно невинные, томящиеся, подобно мне, в тяжком крепостном заключении. И если Комиссия из моих показаний открыла что-нибудь новое, то я покорнейше прошу не прилагать ко мне статьи свода законов, показанные кн. Гагариным, потому что, на этом основании, я милости государя императора не желаю и не заслуживаю и к прежним показаниям ничего прибавить не могу».

«Что вы тут написали? Я вас не о том спрашивал, вы меня не поняли — не хотели понять! И к чему это неуемное самлюбие: милость государя всегда прекрасна. Последнее выражение вам много повредит» — прибавил Гагарин. Потом он как будто расчувствовался, хотел дать переписать эту бумагу, в которой можно было бы выключить последние слова, но вдруг был остановлен каким-то вошедшим чиновником в мундире военного министерства, который занимал иногда место стенографа при допросах; он посоветовал это сделать в другой раз; тем дело и кончилось.

*** Начало главы IV в рукописи отсутствует.— Ред.*

и Григорьева повели, привязали к столбам и завязали глаза. «Момбелли, подымите ноги выше,— сказал Петрашевский,— а то с насморком придете в царство небесное». Между тем на эшафоте все стояли очень прилично, у большей части была на лицах неизъяснимо спокойная улыбка, только один Тимковский пошел к священнику исповедоваться. Достоевский был несколько восторжен, вспоминал «Последний день осужденного на смерть» Виктора Гюго и, подойдя к Спешневу, сказал: «Nous serons avec le Christ». «Un peu de poussière»*, — отвечал тот с усмешкою. Через пять минут отвязали жертвы от столбов и привели обратно на эшафот. Объявили, что император дарует преступникам жизнь и заменяет казнь другими наказаниями. «Кто просил?» — заметил раздражительный Дуров. Но в то же время на правой стороне раздался один голос: «Да здравствует император Николай!»²⁴. Отзвука не было, — и как бы в изумление тот же голос продолжал: «Для меня великодушные заразительно».

Все, как известно, были приговорены к смертной казни за более или менее преступные намерения, клонившиеся к изменению общественного быта в России, — и вдруг какая разница. Петрашевского ссылают без срока на каторгу в рудники, а Пальма переводят тем же чином в армию!

Тут же на эшафоте Петрашевского заковали в кандалы, он протестовал (дворяне свободны от телесных наказаний, в списке которые первыми помещены оковы), но его не слушали**. Подана была повозка с жандармом и другая с фельдъегерским офицером. «Что прикажете сказать вашей матушке?» — спросил у Петрашевского жандармский штаб-офицер. — «Скажите, что я поехал путешествовать в Сибирь на казенный счет». — И затем, опершись одною рукою, несмотря на восьмифунтовые (по закону должны быть четырехсполовинойфунтовые) кандалы, перепрыгнул через сани и сел уже в них с другой стороны. «Вишь, каналья, скачет!» — заметил жандармский штаб-офицер, официальный душеприказчик Петрашевского. Но колокольчик зазвенел, и помчалась первая тройка в Сибирь, пролагая путь другим. Она долетела в десятый день до Тобольска.

Остальные тем же порядком были отвезены в крепость. Им позволили целый час видется с родными, потом с 23-го на 24 декабря по ночам стали отправлять остальных по четыре и по трое, также скованных в тяжелых кандалах. «Ma tête a fait tort à mes pieds»***, — заметил кто-то из них.

Всем известны последствия этого дела. Цензура сделалась невыносимо строга, философия и (о, верх безумия!) политическая экономия, верная поддержка *statu quo*, были изгнаны из всех учебных заведений. В университетах ограничили число студентов и затруднили доступ в них податным сословиям. Все, что было мыслящего, заключилось в раковину. Казалось, это была последняя вспышка либерализма в России!.. Могуственный властелин ее торжествовал победу и над внешними, и над внутренними крамольниками. Но не прошло десяти лет, как все призраки могущества ее властелина исчезли. Тяжелый сон рабов прерван. Новый властелин видит, что без разумной свободы, без науки — нет силы в государстве, и вся Россия занимается теми вопросами, за которые пострадали десять лет тому назад так называемые злоумышленники. Двое из них (Петрашевский и Львов) и теперь страдают еще в Сибири от представителя самовластия и произвола, великого либерала, графа Муравьева-Амурского²⁵.

* «Мы будем вместе с Христом». — «Горстью праха» (франц.).

** *Рукою М. В. Буташевича-Петрашевского добавлено*: Петрашевский на эшафоте объявил, что он подвергался пытке и будет требовать пересмотра дела и что приговор юридически недействителен.

*** Моя голова повредила ногам (франц.).

ОСНОВНЫЕ ВАРИАНТЫ РУКОПИСИ

Страница 171

Строка 4. После: Новые стремления — *было:* к изменению общественного и экономического быта

Строка 14. Перед: последователей — *было:* социалистических

Строка 15. После: молодых людей — *было:* у которых чувства еще не зачерствели

Строка 18. После: вечернею — *было:* перед лицом России

Строка 50. После: бесед — *было:* которым началось осуществление сделанного

Страница 172

Строка 14. Перед: В ноябре — *было:* Львов читал две статьи: «О специальном и энциклопедическом образовании» и «О связи между наукой и промышленностью». О других рассуждениях, как не заслуживших особенного внимания Следственной комиссии, мы умалчиваем.

Страница 174

Строка 13. После: Антонелли — *было:* человека очень недалекого ума

Строка 15. После: либерала — *было:* этим только можно и объяснить неосторожность Толля. Странно, что Толль не обратил внимания, что с Антонелли он познакомился у Петрашевского, но

Страница 178

Строка 30. После: религию — *было:* Последний вечер (на котором, как и на предыдущих, съедено было много перепелчьего сыру)

Строка 31. После: Спешнев — *было:* окончательно разрушил весь этот неудачный зародыш общества

Страница 182

Строка 50. После: учителя — *было:* Фурье

Страница 184

Строка 2. После: Момбелли — *было:* и Львов. Последнего, кажется, спасло его знание химии и осторожность в пище.

Строка 53. После: говорил — *было:* доктору (если не ошибаемся, молодому Окелю)

Страница 188

Строка 35. После: из них — *было:* История ссылки некоторых из них будет рассказана в другой раз

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Последовательность бесед в кружке Петрашевского здесь излагается неверно: беседы Н. Я. Данилевского о фурьеризме происходили весной 1848 г., а беседы И. Л. Ястржембовского о политической экономии — зимой 1848—1849 гг. Львов опустил весь предшествовавший период истории кружка, существовавшего с 1845 г.

² Львов показал на следствии, что речь К. И. Тимковского — «самая замечательная из всего, что было говорено, кроме уже спрошенного» («Дело петрашевцев», т. I. М.—Л., 1937, стр. 409).

³ Обед в память дня рождения Фурье был устроен 7 апреля 1849 г. на квартире А. И. Европеуса членами кружка Н. С. Кашкина, с участием Петрашевского.

⁴ Львов и Петрашевскому о собраниях у Кашкина было известно только понаслышке. О складчине на библиотеку Петрашевский знал, так как его просили выписать книги. Известная по следственному делу речь Кашкина имела не политический, а философский характер. Возможно, что здесь отражены сведения о политических высказываниях Д. Д. Ахшарумова в его «Автобиографической записке».

⁵ Львов был активным посетителем собраний у С. Ф. Дурова. Он прекрасно знал о переходе участников собраний к планам политической агитации, что было достаточно выяснено и следствием. Сам Львов, по поручению товарищей, определял вопрос о том, во сколько обойдется заведение домашней литографии. Намерение завести литографию приписывалось не одному Ф. М. Достоевскому, но и Дурову.

⁶ «Незабвенный» — саркастическое прозвище Николая I.

⁷ Сведения о том, что Н. А. Спешнев обещал Н. П. Григорьеву «взять на себя» авторство «Солдатской беседы», исходили, повидимому, от Н. А. Момбелли, которому Спешнев после ареста, в III Отделении, сказал, что эта рукопись у него и «что он доносчиком не будет». Момбелли передал это Григорьеву, с которым вместе был отвезен в крепость («Дело петрашевцев», т. I, стр. 359—360).

⁸ Сам Лъвов не участвовал в разговоре о перспективах «бунта». Изложение разговора сделано им неправильно: опущено обсуждение стратегического плана восстания и вовлечения в него крестьянских районов России. Р. А. Черносивтов не был агентом, но подобное предположение о нем высказывалось некоторыми петрашевцами.

⁹ Имеется в виду фабула романа Е. Сю «Вечный жид».

¹⁰ Даниэль О'Коннелл (1775—1847) — чрезвычайно популярный в сороковых годах парламентский деятель, борец за независимость Ирландии.

¹¹ Авторы «Записки» неправильно поняли, будто подписка для членов тайного общества была составлена Спешневым во время следствия. Проект подписки, найденный в бумагах Спешнева, служил одним из самых тяжелых пунктов его обвинения. Спешнев доказывал на следствии, что этот проект был им написан в 1845 г. и не имел никакого реального значения. Он рассказал о безрезультатных совещаниях группы петрашевцев по поводу тайного общества с целью убедить следователей, подозревавших его в участии в тайном обществе, что такое общество не существовало. Мнение же авторов «Записки», что Спешнев написал свои показания в форме дневника, объясняется, вероятно, подробностью и литературной формой показаний Спешнева (см. отрывок из его показаний в «Деле петрашевцев», т. III. М. — Л., 1951, стр. 457—462).

¹² Имеется в виду манифест Николая I от 14 марта 1848 г., по поводу революционных событий в Западной Европе.

¹³ Приводимые Лъвовым и Петрашевским сведения о прямом несогласии дворян подать царю адрес, одобряющий его контрреволюционную внешнюю политику, значительно дополняют скудные данные, имеющиеся об этом в литературе (см. «Материалы для истории упразднения крепостного состояния», т. I. Берлин, 1860, стр. 76—77; В. И. Семевский. Крестьянский вопрос в России в XVIII и первой половине XIX века, т. II. СПб., 1888, стр. 189).

¹⁴ В действительности арест петрашевцев состоялся в ночь с 22-го на 23 апреля.

¹⁵ Под преступлениями «против первых двух пунктов» Уголовного уложения подразумевались: 1) злоумышление против императора и членов императорского дома и поношение их «злыми и вредительными словами», 2) бунт или измена против государя и государства.

¹⁶ А. И. Ушаков — начальник тайной розыскной канцелярии при Анне и Елизавете. С. И. Шешковский — начальник тайной экспедиции при Екатерине.

¹⁷ Этим термином характеризовал процесс сам Петрашевский в показании 28 мая 1849 г. (см. «Дело петрашевцев», т. I, стр. 51).

¹⁸ Разговор Лъвова с Гагариным о человечестве и государстве пространно изложен в анонимной статье «Vorläufer des russischen Nihilismus» («Предшественники русского нигилизма») в журнале «Deutsche Rundschau». Bd. XXV, 1880, стр. 127—128, в примечании к имени Гагарина.

¹⁹ Рассуждение о двух методах следствия и сопоставление кардинала Ришелье с членом Следственной комиссии, управляющим III Отделением, Л. В. Дубельтом, находим в первом показании Петрашевского (между 19 и 26 мая 1849 г. — См. «Дело петрашевцев», т. I, стр. 12—13).

²⁰ Оборудование для типографского станка, собранное в квартире Спешнева, не было обнаружено во время следствия.

²¹ Эти сведения о найденных у Н. П. Григорьева вещах и документах не подтверждаются следственным делом. Григорьев показал, что «изучал людей» («Дело петрашевцев», т. III, стр. 250), но его бумаги не привлекли внимания Следственной комиссии (кроме «Солдатской беседы», найденной у Спешнева). Сведения о допросе людей по его тетради, возможно, отражают факт допроса многих знакомых П. Г. Шапошникова, который проходил в процессе под именем Петра Григорьева.

²² Показание Спешнева о том, что Лъвов читал басню о запасных магазинах, см. в «Деле петрашевцев», т. III, стр. 458. Спрошенный об этом Лъвов привел басню в своих показаниях (там же, т. I, стр. 412—413). Как произведение бесцензурной рукописной литературы басня была перепечатана в сборнике «Потаенная русская литература», изданном Огаревым (Лондон, 1861, стр. 288—289).

²³ Н. П. Григорьев, выпущенный, по манифесту 26 августа 1856 г., на поселение, как и другие петрашевцы, был отдан родным вследствие «меланхолического помешательства» и в феврале 1857 г. привезен в Нижний-Новгород. Умер он в 1886 г. Дуров, у которого Григорьев жил в Омске после отбытия каторги, рассказывал Г. Н. Потанину о сумасшествии Григорьева. Выведенный на расстрел, он увидел солдат своей роты под командованием своего любимого фельдфебеля. «Он был помешан на мысли о мести Николаю» (В. А. Обручев. Григорий Николаевич Потанин. М. — Л., 1947, стр. 39).

²⁴ Вероятно, это был возглас А. И. Пальма (см. «Из записок М. А. Корфа». — «Русская старина», 1900, № 5, стр. 280).

²⁵ В декабре 1862 г. Лъвов получил разрешение возвратиться в Европейскую Россию и в 1863 г. оставил Сибирь. Петрашевского же сибирские власти «смиряли» административными высылками и даже тюрьмой вплоть до его смерти (в селе Бельском Енисейского округа) 7 декабря 1866 г.